

Три проблемы революции

Герен Даниэль

1958

Волин, либертарный летописец русской революции, побывавший её участником и очевидцем, пишет:

«Предыдущие революции завещали нам фундаментальную проблему. Я имею в виду революцию 1789-го года и революцию 1917-го года в особенности: в значительной степени направленные против угнетения, воодушевлённые могучим дыханием свободы и провозгласившие свободу своей основной целью, как получилось, что эти революции скатились к новой диктатуре, установленной другими праящими, привилегированными слоями, к новому рабству народных масс? Каковы могут быть условия, позволяющие революции избежать этой печальной участи? Может быть, эта судьба обусловлена эфемерными факторами, а то и просто ошибками и недочётами, которые впредь можно было бы предотвратить? И в последнем случае, каковы средства устранения опасности, угрожающей грядущим революциям?»

Как и Волин, я считаю, что два великих исторических опыта — французская революция и русская революция — неразрывно связаны между собой. Несмотря на разницу

Герен Даниэль
Три проблемы революции
1958

Скопировано 04.06.2025 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=3645>
Перевод с английского: <https://theanarchistlibrary.org/library/daniel-guerin-three-problems-of-the-revolution>

ru.anarchistlibraries.net

во времени, разницу в контекстах и разное «классовое содержание», вопросы, которые они поднимают, и ловушки, с которыми они сталкиваются, по сути, одинаковы. В лучшем случае первая революция демонстрирует их в более зачаточном состоянии, чем вторая. И сегодня люди не могут надеяться найти путь, ведущий к их окончательному освобождению, если они не смогут различить в этих двух опытах, что было прогрессом, а что — отступлением, чтобы извлечь уроки на будущее.

Сущностная причина относительного провала двух величайших революций истории не кроется, как мне кажется, по выражению Волина, ни в «исторической неизбежности», ни в субъективных «ошибках» революционных protagonистов. Революция несёт в себе серьёзное противоречие (противоречие, которое, к счастью, повторюсь, не неисправимо и ослабевает с течением времени): она может возникнуть и победить, только если она возникнет из глубин народных масс и их неодолимого стихийного восстания.

Но, хотя классовый инстинкт побуждает их разорвать свои цепи, народным массам не хватает образования и сознания. И когда они с несомненной энергией, но неуклюже и слепо рвутся к свободе, наталкиваясь на привилегированные, проницательные, знающие, организованные и опытные социальные классы, они могут одержать победу над встречающимся им сопротивлением только в том случае, если в пылу борьбы успешно приобретут сознание, знания, организацию и опыт, которых им недостаёт. Но сам акт выковывания перечисленного оружия, которое только и может обеспечить победу над противником, таит в себе огромную опасность: он может убить спонтанность, которая является сердцем революции, поставить под угрозу свободу внутри организации или позволить движению быть захваченным меньшинством элиты более опытных,

более знающих, более опытных боевиков, которые в начале выдвигают себя в качестве проводников, а в конце навязывают себя в качестве лидеров и подвергают массы новой форме эксплуатации человеком своих близких.

С тех пор как социализм задумался над этой проблемой, с тех пор как он ясно осознал это противоречие, то есть примерно с середины 19-го века, он не перестаёт взвешивать шансы и витать между двумя крайними полюсами свободы и порядка. Каждый из её мыслителей и деятелей старательно и неуверенно, среди всевозможных колебаний и противоречий, пытался разрешить эту фундаментальную дилемму революции.

В своём знаменитом «Что такое собственность?» (1840 г.) Прудон полагал, что ему удалось найти синтез, когда оптимистично писал: «Высшее совершенство общества заключается в союзе порядка с анархией». Но четверть века спустя он хмуро заметил: «Эти две идеи, свобода... и порядок, стоят спина к спине... Их нельзя разделить, и одна не может поглотить другую: мы должны смириться с тем, что будем жить с ними обеими и находить между ними равновесие... Ни одна политическая сила ещё не нашла истинного решения в примирении свободы и порядка».

Сегодня огромная империя, построенная под эгидой «социализма», утомительно, эмпирически и порой судорожно пытается вырваться из-под железного ига «порядка», основанного на ограничениях, и заново открыть дорогу к свободе, к которой стремятся миллионы её подданных, все более грубых и все более живых.

Таким образом, проблема остаётся актуальной, и мы слышим о ней в не последний раз.

При более внимательном рассмотрении эта проблема может похвастаться тремя относительно разными, но тесно связанными между собой гранями:

1. В период революционной борьбы каково должно быть соотношение между стихийностью и сознательностью, между массами и руководством?
2. Когда старый деспотический режим свергнут, какая форма политической или административной организации должна прийти на смену свергнутой?
3. Наконец, кто и как должен управлять экономикой после отмены частной собственности (проблема, которая в полной мере встала перед пролетарской организацией, но с которой Французская революция столкнулась лишь в эмбриональной форме)?

По каждому из этих пунктов социалисты 19-го столетия колебались и сомневались, противоречили друг другу и конфликтовали между собой. Какие социалисты?

В целом среди них можно выделить три основных течения:

а. Те, кого я бы назвал авторитаристами, государственниками, централистами, наследниками якобинской и бланкистской традиции Французской революции, а также немецкой (точнее, прусской) традиции военной дисциплины и государства с большой буквы Г.

б. Те, кого я бы назвал антиавторитаристами, либертарианцами, наследниками, с одной стороны, прямой демократии 1793-го года и коммунистической, федералистской идеи, а с другой — сен-симонистского аполитизма, стремящегося заменить политическое правление «управлением вещами».

в. Наконец, так называемые научные социалисты (Маркс и Энгельс), пытавшиеся кропотливо, но не всегда успешно и последовательно, а часто и из чисто тактических соображений (ведь им приходилось идти на уступки и авторитарному, и либертарианскому крылу рабочего движения), примирить два вышеупомянутых течения

если мы не поможем им не ликвидировать, а перестроить их социализм с фундамента.

Хрущёв, в конце концов, опечалился тем, что так долго колебался между прошлым и будущим. При всех своих благих намерениях и эссе по десталинизации или ослаблению государственного контроля Гомулки, Тито и Дубчеки рисуют застопориться или соскользнуть с каната, на котором они неустойчиво балансируют, и в конечном счёте рисуют погибнуть, если не обретут смелость и дальновидность, которые позволили бы им выявить основные черты либертарного социализма.

и прийти к некоему компромиссу между авторитарной идеей и либертарианской.

Попробуем вкратце подытожить попытки этих трёх течений социалистической мысли решить три фундаментальные проблемы революции.

1. Спонтанность и сознательность

Авторитаристы не верят в способность масс достичь сознания без посторонней помощи, и даже когда они утверждают обратное, они испытывают панический страх перед массами. Если верить им, массы всё ещё ожесточены веками угнетения. Они нуждаются в руководстве и управлении. Крошечная элита лидеров должна встать на их защиту, научить их революционной стратегии и привести их к победе. Либертарианцы, напротив, утверждают, что революция должна быть делом рук самих масс, их спонтанности и свободной инициативы, их творческого потенциала, столь же нежданного, сколь и грозного. Они предостерегают от лидеров, которые во имя высшего сознания стремятся подчинить себе массы, чтобы впоследствии лишить их плодов своей победы.

Что касается Маркса и Энгельса, то они иногда делают акцент на спонтанности, иногда на сознании. Но их синтез остаётся неубедительным, неясным, противоречивым. Кроме того, следует отметить, что и либертарианцы не всегда были свободны от тех же недугов. У Прудона, наряду с оптимистическим воспеванием «политической способности рабочих классов», можно найти пессимистические нотки, ставящие под сомнение эту способность и солидаризирующиеся с авторитаристами в их предположении, что массы должны направляться сверху. Точно так же Бакунин так и не смог избавиться от своего юношеского заговорщичества марки 1848-го года, и сразу же после того, как он обратил внимание на неодолимый первобытный инстинкт масс, мы видим, что он выступает за

тайное «проникновение» в них сознательных лидеров, организованных в тайные общества. Отсюда это странное пересечение: люди, которых он ругал, возможно, не без оснований, за их авторитаризм, ловят его с поличным в акте авторитарного маккиавеллизма.

Две конкурирующие тенденции внутри Первого Интернационала с полным основанием обвиняли друг друга в подпольных манёврах, направленных на захват контроля над движением. Как мы увидим, нам пришлось бы дождаться Розы Люксембург, прежде чем был бы достигнут достаточно жизнеспособный *modus vivendi* между спонтанностью и сознательностью. Но Троцкий нарушил это тщательно выверенное равновесие, чтобы довести противоречие до крайности: в некоторых отношениях он был «люксембургистом»: как свидетельствуют его 1905-го год и «История русской революции», он чувствовал и инстинктивно воспринимал революцию снизу: он делал акцент на самостоятельных действиях масс; но в конце концов — после того, как он блестяще аргументировало выступил против них — он приходит к бланкистским представлениям Ленина об организации и, оказавшись у власти, ведёт себя даже более авторитарно, чем его лидер ег партии. Наконец, в тяжёлой борьбе из ссылки он должен был укрыться за спиной ставшего неприменимым Ленина, чтобы выступить с обвинением против Сталина: и это отождествление с Лениным должно было лишить его, до самой смерти, возможности дать волю люксембургскому элементу внутри себя.

2. Проблема власти

Авторитаристы утверждают, что народные массы под руководством своих лидеров должны заменить буржуазное государство своим собственным, украшенным надписью «пролетарское», и что для обеспечения выживания последнего они должны довести до крайности методы при-

вать вывод, что производство по-настоящему «эффективно» только в том случае, если оно не подавляет человека, работает с ним, а не отчуждает его, опирается на его инициативу и искреннее сотрудничество, превращая его труд из обязанности в радость, чего невозможно достичь ни в промышленных казармах частного капитализма, ни в казармах государственного капитализма. Более того, ускорение транспорта является исключительным благом для функционирования прямой демократии. Приведём лишь один пример: благодаря самолёту за несколько часов можно легко собрать делегатов местных отделений самого современного из американских профсоюзов (скажем, профсоюза автомобильных рабочих).

Но если мы хотим возродить социализм, который авторитаристы поставили на голову, и снова направить его на правильный путь, мы должны действовать быстро. Ещё в 1896-м году Кропоткин решительно подчёркивал, что, пока социализм будет представлять собой нечто авторитарно-государственное, он будет внушать рабочим недоверие и, как следствие, его усилия будут скомпрометированы, а дальнейшее развитие заторможено.

Частный капитализм, осуждённый историей, выживает сегодня только благодаря гонке вооружений, с одной стороны, и сравнительному провалу государственного коммунизма — с другой. Мы не можем идеологически разгромить Большой бизнес и его мнимое «свободное предпринимательство», за которым скрывается господство горстки монополий, и не можем отправить обратно в бутафорскую комнату национализм и фашизм, которые всегда готовы восстать из пепла, если только мы не сможем предложить жёсткую и быструю замену государственному псевдокоммунизму. Что касается социалистических стран (так называемых), то они не выйдут из своего нынешнего тупика,

мунизме», показывает, что, по крайней мере, в широких сегментах экономики, будущее больше не принадлежит гигантским производственным единицам. Гигантизм, который когда-то ослеплял и былых капитанов американской промышленности, и коммуниста Ленина, теперь уходит в прошлое: «Too Big» — так называется американское исследование, посвящённое ущербу, который это бедствие нанесло экономике США. Со своей стороны, Хрущёв, старый хитрый хам, в конце концов осознал, хотя и с запозданием, необходимость децентрализации промышленности. Долгое время считалось, что сакральные императивы планирования требуют государственного управления экономикой. Сегодня мы видим, что планирование сверху, бюрократическое планирование — это страшный источник беспорядка и расточительства, и что, как говорит Мерло-Понти, «он не планирует». Шарль Беттельхейм в книге, которая в то время была излишне конформистской, показал нам, что оно может эффективно работать только в том случае, если направляется снизу вверх, а не сверху вниз, только если указания исходят из нижних эшелонов производства и постоянно контролируются ими — в то время как в СССР этот контроль со стороны масс поразительно отсутствует. Без сомнения, будущее за автономным управлением предприятиями со стороны рабочих ассоциаций. Что ещё предстоит выяснить, так это, безусловно, тонкий механизм, с помощью которого они объединяются и различные интересы примиряются в свободном порядке. В свете этого попытка бельгийца Сезара де Папа, который сегодня незаслуженно забыт, выработать *modus vivendi* между анархизмом и этатизмом, заслуживает того, чтобы её воскресить.

В других странах сама эволюция технологии и организации труда открывает путь к социализму снизу. Последние исследования в области психологии труда позволяют сде-

нуждения, применяемые первым (централизация, дисциплина, иерархия, полиция). Такая перспектива вызывала восклицки страха и ужаса у либертарианцев — век с лишним назад. Что, спрашивали они, толку в революции, которая ограничится заменой одного аппарата угнетения другим? Непримиримые враги государства, любой его формы, они ожидали от пролетарской революции полной и окончательной отмены статических ограничений. Они стремились заменить старое деспотическое государство свободной федерацией объединённых коммун, прямой демократией с нуля.

Маркс и Энгельс искали путь между этими двумя крайностями. Якобинство наложило на них свой отпечаток, но контакт с Прудоном в 1844-м году, с одной стороны, и влияние Мозеса Гесса, с другой, критика гегельянства, открытие «отчуждения» сделали их более либертарианскими. Они отвергли авторитарный этатизм француза Луи Бланна и немца Лассаля, заявив о своей поддержке упразднения государства. Но очень вовремя. Государство, эта «правительственная мешаница», будет существовать и после революции, но лишь некоторое время. Как только будут достигнуты материальные условия, делающие его ненужным, оно должно «отмереть». А пока необходимо принять меры, чтобы «по возможности ослабить его досадные последствия». Такая краткосрочная перспектива справедливо беспокоит либертарианцев. Выживание государства, даже «временное», в их глазах не имеет никакой силы, и они пророчески провозгласили, что, будучи восстановленным, этот Левиафан будет упорно отказываться отмирать. Непрекращающаяся критика либертарианцев поставила Маркса и Энгельса в затруднительное положение, и в конце концов они пошли на такие уступки этим несогласным, что в какой-то момент стало казаться, что ссора социалистов по поводу государства не зависит ни от чего другого и

даже сводится не более чем к словесному передергиванию. Это беззаботное согласие длилось не дольше утра.

Но большевизм 20-го века показал, что это не просто вопрос семантики. Переходное государство Маркса и Энгельса стало, в зародыше при Ленине и в гораздо большей степени при потомках Ленина, многоголовой гидрой, тупо отказывающейся умирать.

3. Управление экономикой

И наконец, какая форма собственности должна прийти на смену частному капитализму?

У авторитаристов есть готовый ответ на этот вопрос. Поскольку их главным недостатком является отсутствие воображения и страх перед неизвестностью, они полагаются на формы администрации и управления, заимствованные из прошлого. Государство должно набросить свою огромную сеть на всё производство, весь обмен и все финансы. «Государственный капитализм» должен пережить социальную революцию. Бюрократия, и без того огромная при Наполеоне, короле Пруссии или царе, при социализме больше не будет заниматься сбором налогов, созданием армий и усилением полиции: её щупальца теперь протянутся к фабрикам, шахтам, банкам и средствам передвижения. Либертиранцы взвизгнули от ужаса. Это экстравагантное расширение полномочий государства показалось им предсмертным звоном для социализма. Макс Штирнер был одним из первых, кто восстал против этатизма коммунистического общества. Прудон был не менее категоричен, и Бакунин последовал его примеру: «Я презираю коммунизм, – заявил он в одной из речей, – потому что он неизбежно приводит к централизации собственности в руках государства, тогда как я... хочу видеть общество организованным и собственность коллективной или обобществлённой снизу вверх, через свободные ассоциации, а не сверху вниз через какую-либо власть».

порядок, фальшивый динамизм, фальшивая «эффективность» государственного коммунизма, который низводит человека к шифру, убивает народную инициативу и в конечном итоге сводит на нет саму идею социализма.

Что касается проблемы государства, то урок русской революции написан на стене для всеобщего обозрения. Искоренить власть масс сразу после успеха революции, как это было сделано, отстроить на руинах старой государственной машины новую машину угнетения, ещё более изощрённую, чем её предшественница, и выдать её обманным путём за «диктатуру пролетариата», а во многих случаях, впитывание в новую систему «экспертизы», доставшейся от прежнего режима (и всё ещё пропитанного старым лидерским принципом), постепенно приводит к появлению нового привилегированного класса, склонного рассматривать собственное выживание как самоцель и увековечивать государство, обеспечивающее это выживание — такова модель, которой нам сейчас лучше не подражать. Более того, если буквально воспринимать марксистскую теорию «отмирания» государства, то те материальные обстоятельства, которые породили и (по мнению марксистов) узаконили воссоздание государственного аппарата, должны были бы позволить нам сегодня всё больше отказываться от государства, которое представляет собой жадного до выживания и мешающего жандарма.

Индустриализация во всём мире идёт семимильными шагами, хотя и разными темпами в разных странах. Открытие новых, неисчерпаемых источников энергии значительно ускоряет этот процесс. Тоталитарное государство, порождённое бедностью и черпающее в ней своё оправдание, с каждым днём становится все более ненужным. Что касается управления экономикой, то весь опыт как квинтэссенциально капиталистических стран, таких как США, так и стран, живущих при «государственном ком-

тых капиталистических странах, а также в развивающихся странах и странах так называемого государственного «коммунизма» они сделали огромный скачок вперёд. Их больше не так просто обмануть. Они знают о своих правах. Их понимание мира и собственной судьбы значительно возросло. Если недостатки французского пролетариата до 1840-го года, связанные с отсутствием опыта и малочисленностью, породили бланкизм, недостатки российского пролетариата до 1917-го года — ленинизм, а недостатки нового пролетариата, истощённого и растерянного после гражданской войны 1918-1920-х годов, или недавно выселенного из деревни — сталинизм, то сегодня трудящиеся массы испытывают гораздо меньше потребности в том, чтобы доверять свои полномочия авторитарным и якобы непогрешимым наставникам.

С другой стороны, благодаря, прежде всего, Розе Люксембург, в социалистическое мышление проникла мысль о том, что даже если массы ещё не созрели, и даже если слияние науки и рабочего класса, предусмотренное Лассалем, ещё не полностью осуществилось, единственный способ борьбы с этой отсталостью и исправления этого недостатка — помочь массам воспитать себя в духе прямой демократии, направленной снизу вверх: воспитать в них чувство ответственности — вместо того, чтобы поддерживать в них, как это делает государственный коммунизм (будь он у власти или в оппозиции), вековые привычки пассивности, покорности и комплекса неполноценности, завещанные им прошлым угнетением. Даже если такое обучение иногда оказывается трудоёмким, даже если темпы прогресса иногда замедляются, даже если оно создаёт дополнительную нагрузку на общество, даже если оно может продолжаться только ценой некоторого «беспорядка», эти трудности, эти задержки, эти дополнительные нагрузки, эти боли роста бесконечно менее вредны, чем фальшивый

Но антиавторитарии не были единодушны в формулировании своих контрпредложений. Штирнер предложил «свободную ассоциацию эгоистов», которая была слишком философской в своей формулировке и слишком неустойчивой. Более приземлённый Прудон предложил несколько отсталую мелкобуржуазную комбинацию, соответствующую отжившему этапу мелкой промышленности, мелкой торговли и кустарного производства: частная собственность будет сохранена; мелкие производители, сохранив свою независимость, будут выступать за взаимопомощь; в лучшем случае он бы согласился на коллективную собственность в ряде отраслей, в отношении которых он признавал, что крупная промышленность уже захватила их: транспорт, горное дело и т. д. Но Штирнер, как и Прудон, каждый га свой манер, оставляя себя беззащитным перед звуком розг, которые марксизм собирался, хотя и несколько несправедливо, на них обрушить.

Бакунин не преминул разойтись с Прудоном. На некоторое время он объединился с Марксом в рамках Первого Интернационала против своего наставника. Он отверг пост-прудоновский индивидуализм и обратил внимание на последствия индустриализации. Он всем сердцем выступал за коллективную собственность. Он не считал себя ни коммунистом, ни мутюэлистом, ни коллективистом. Производство должно было вестись одновременно и на местном уровне, через «солидаризацию коммун», и на торговых условиях рабочими компаниями (или ассоциациями). Под влиянием бакунистов Базельский конгресс Первого Интернационала в 1869-м году постановил, что в обществе будущего «правительство будет заменено советами профессиональных организаций». Маркс и Энгельс перемещались и колебались между двумя крайностями. В «Коммунистическом манифесте» 1848-го года, вдохновлённом Луи Бланом, они выбрали слишком удобное панго-

сударственное решение. Но позже, под влиянием Парижской коммуны 1871-го года и под давлением анархистов, они умерили этот эстетизм и заговорили о «самоуправлении производителей». Но такие либертарианские нюансы были недолговечны. Почти сразу же, в смертельной схватке с Бакуниным и его учениками, они вернулись к более авторитарной и государственной лексике.

Поэтому не без оснований (хотя и не всегда из лучших побуждений) Бакунин обвинял марксистов в том, что они мечтают о сосредоточении всего промышленного и сельскохозяйственного производства в руках государства. В случае с Лениным эстетистские и авторитарные тенденции, преобладавшие над анархизмом, которому они противоречили и который они погасили, присутствовали в зародыше, а при Сталине, когда «количество» перешло в «качество», они выродились в деспотичный государственный капитализм, который Бакунин, похоже, предвосхитил в своей порой несправедливой критике Маркса.

Этот краткий исторический обзор не представляет никакого интереса, кроме того, насколько он может помочь нам сориентироваться в настоящем. Уроки, которые мы извлекаем из него, позволяют нам понять, поразительно и драматично, что, несмотря на многие представления, которые сегодня кажутся архаичными и инфантильными и опровергаются опытом (скажем, их «аполитичность»), либертарии были по сути более правы, чем авторитарии. Последние сыпали первых оскорблений, отвергая их программу как «собрание идей с кладбища» или как реакционные, устаревшие и неработающие утопии. Но сегодня выясняется, что, как подчёркивает Волин, именно авторитарная идея, отнюдь не принадлежащая будущему, является всего лишь отголоском старого, изношенного, отжившего буржуазного мира. Если здесь и есть утопия, то это утопия так называемого государственного «комму-

низма», несостоятельность которого настолько очевидна, что его собственные бенефициары (озабоченные прежде всего спасением своих интересов как привилегированной касты) в настоящее время напряжённо и слепо ищут средства, чтобы изменить его и освободиться от него.

Будущее не принадлежит ни классическому капитализму, ни, несмотря на то, во что хотел бы заставить нас поверить покойный Мерло-Понти, капитализму, переделанному и исправленному «неолиберализмом» или социал-демократическим реформизмом. Провал и того, и другого столь же оглушителен, как и провал государственного коммунизма. Будущее по-прежнему, и даже больше, чем когда-либо, принадлежит социализму, причём либертарному социализму. Как пророчески заявил Кропоткин в 1896-м году, наш век «будет носить на себе отпечаток пробуждения либертарных идей... Следующая революция уже не будет якобинской».

Три основные проблемы революции, которые мы наметили выше, должны и могут быть наконец разрешены. Больше никаких колебаний и нашупываний социалистического мышления 19-го века. Проблемы теперь ставятся не абстрактно, а конкретно. Сегодня мы можем обратиться к богатому практическому опыту. Техника революции обогатилась сверх всякой меры. Либертарная идея больше не витает на облаках, а проистекает из самих фактов, из (даже если они угнетены) самых глубоких и подлинных устремлений народных масс.

Проблема спонтанности и сознательности сегодня решается гораздо легче, чем столетие назад. Массы, хотя они, вследствие того гнёта, под которым они находятся, несколько отвыкли от осознания банкротства капиталистической системы, и им всё ещё не хватает образования и политической проницательности, восстановили большую часть того, в чем они отстали исторически. Во всех разви-